

Писатель, поцелованный Богом

(к 125-летию со дня рождения Исаака Бабеля)

Если составить календарь только из дат рождений советских писателей-евреев, которые приобрели в XX веке всеобщую, а часто и мировую известность, список окажется велик – всех не перечислить. К сожалению, большинство из этих писателей решили забыть о среде, из которой они вышли, и в своём творчестве не касались еврейских тем. Этому прискорбному явлению способствовала не в последнюю очередь и стремительная ассимиляция, начавшаяся после Октябрьского переворота 1917 года. Языком творчества этих писателей-евреев стал в основном русский, а также украинский и белорусский языки, и их книги не требовали перевода. И лишь некоторые из них писали на еврейские темы – и вот именно этих людей смело можно было назвать русско-еврейскими писателями. Таким образом, русско-еврейская литература (еврейская литература на русском языке), возникшая ещё в XIX веке, продолжала существовать, и она достигла своего наивысшего подъёма в творчестве Исаака Бабеля.

12 июля 2019 года исполнилось 125 лет со дня рождения «русского советского», как писали советские энциклопедии (а я всё же настаиваю на определении «русско-еврейского»), писателя Исаака Бабеля. Кстати, в июле в разные годы родились и автор знаменитой «Бригантины» поэт Павел Коган (4 июля), и поэтесса Вера Инбер (10 июля), и писатели-евреи других стран: Франц Кафка (3 июля), Лион Фейхтвангер (7 июля), Исаак Башевис-Зингер (14 июля), Шмуэль Агнон (17 июля) и Януш Корчак (22 июля). Но сегодня наш разговор не о них...

Исаак Бабель и Антонина Пирожкова с дочерью Лидией

Итак, Исаак Бабель. Скажу честно, что говорить о писателе такого необыкновенного, уникального дарования, с его ни на кого не похожим, переливающимся жемчужинами, красочным литературным языком, страшновато. Поэтому вначале (для храбрости) воспользуюсь «Автобиографией» Исаака Эммануиловича.

«Родился в 1894 г. в Одессе, на Молдаванке, сын торговца-еврея. По настоянию отца изучал до 16 лет еврейский язык, Библию, Талмуд. Дома жилось трудно, потому что с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе...». Далее Исаак Эммануилович пишет: «Школа эта незабываема для меня ещё и потому, что учителем французского языка был там м-г Вадон... Он обучил меня своему языку, я затвердил с ним французских классиков, сошёлся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке».

После окончания Одесского коммерческого училища Бабель продолжает образование в Киевском институте финансов. По имеющимся сведениям, в школьные и студенческие годы Бабель принимал участие в сионистских кружках.

В 1915 году молодой человек оказывается в Петербурге.

«В Петербурге мне пришлось ужасно худо, – пишет в «Автобиографии» Бабель, – у меня не было правожительства, я избегал полиции и квартировал в погребе на Пушкинской улице у одного пьяного, растерзанного офицанта. Тогда в 1915 г. я начал разносить мои сочинения по редакциям, но меня отовсюду гнали, все редакторы убеждали меня поступить куда-нибудь в лавку, но я не послушался и в конце 1916 г. попал к Горькому».

При содействии Горького Бабель напечатал в журнале «Летопись» (№ 11, 1916 г.) два рассказа: «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна» и «Мама, Римма и Алла», – которые вызвали интерес у читающей публики и за которые он был привлечен к... уголовной ответственности по 1001 статье «порнография». Февральская революция спасла его, начинающего писателя, двадцатидвухлетнего молодого человека от суда, который уже был назначен на март 1917-го.

Данный факт необходимо прокомментировать. Бабель в этих своих рассказах писал в первую очередь о человеческих взаимоотношениях. Через 40 лет, в 1957 году, в предисловии к первому после реабилитации Бабеля изданию его сочинений И.Г. Эренбург напишет: «О той любви, которую старые католики называли „плотской“, а современные пуритане именуют „животной“, Бабель писал откровенно, без лицемерной стыдливости». Приведём отрывок из рассказа «Мама, Римма и Алла»:

«Станислав поцеловал девушку. Она положила голову на подушечку и закрыла глаза. Оба воспламенялись. Через несколько минут Станислав целовал её страстно и в порыве злобной, неутолённой страсти мотал по комнате худенькое и горячее тело. Он порвал ей кофточку и лиф. Римма, с запёкшимися губами и с кругами под глазами, подставляла поцелуям свои губы и с искривлённой, скорбной гримасой защищала свою девственность. В одну из этих минут кто-то постучал...»

В «Автобиографии» Бабель сообщает о том, что Алексей Максимович научил его необыкновенно важным вещам «и потом, когда выяснилось, что два-три сносных моих юношеских опыта были всего только случайной удачей, и что с литературой у меня ничего не выходит, и что пишу я удивительно плохо, – Алексей Максимович отправил меня в люди. И я на семь лет – с 1917 по 1924 – ушёл в люди».

Осенью 1917 г. Бабель, отслужив в армии несколько месяцев рядовым, дезертировал и пробрался в Петроград, где поступил на службу в ЧК, а затем в Наркомпрос. Опыт работы в этих учреждениях отразился в цикле статей Бабеля «Дневник», опубликованных весной 1918 г. в газете «Новая жизнь». Здесь Бабель с иронией описывает первые плоды большевистского переворота: произвол, всеобщее одичание и разруху.

Вернувшись в Одессу, Бабель в июне 1920 года печатает в местном журнале «Лава» серию очерков «На поле чести», содержание которых заимствовано из фронтовых записей французских офицеров. Весной 1920-го по рекомендации Михаила Кольцова Бабель под именем Кирилла Васильевича Лютова был направлен в 1-ю Конную армию под командованием Будённого в качестве военного корреспондента Юг-РОСТА. Дневник, который Бабель вел во время польской кампании, фиксирует его подлинные впечатления: это та «летопись будничных злодеяний», о которой глухо упоминается в иносказательной новелле «Путь в Броды». С документальной точностью Бабель описывает здесь дикое издевательство конармейцев Буденного над беззащитным еврейским населением местечка Демидовки в день Девятого Ава: «...все, как тогда, когда разрушали храм».

Зарисовки из дневника, который Бабель вёл во время польской кампании, легли в основу книги «Конармия» (цикл из 35 рассказов). Рассказы «Конармии» жесткие, сжатые, страстные, необыкновенно колоритные, производят впечатление самыми разными сторонами, но первая реакция на них – шок. «Конармия» – это книга о поражении и о тщете жертв. Она завершается нотой безысходного трагизма – рассказом «Сын рабби»:

«И вот третьего дня, Василий, полки двенадцатой армии открыли фронт у Ковеля. В городе загремела пренебрежительная канонада победителей. Войска наши дрогнули и перемешались. Поезд политотдела стал уползать по мертвой спине полей. Тифозное мужичье катило перед собой привычный горб солдатской смерти. Оно прыгало на подножки нашего поезда и отваливалось, сбито ударами прикладов. Оно сопело, скреблось, летело вперед и молчало. А на двенадцатой версте, когда у меня не стало картошки, я швырнул в них грудой листовок Троцкого. Но только один из них протянул за листовкой грязную мертвую руку. И я узнал Илью, сына житомирского рабби».

Только в седьмом и восьмом изданиях книги Бабель изменил ее концовку, поместив после рассказа «Сын рабби» новый, более «оптимистический» эпилог – рассказ «Армак».

Одновременно с «Конармией» Бабель печатает «Одесские рассказы», написанные еще в 1921–23 гг. Основной герой этих рассказов, еврей-налетчик Беня Крик (прототипом которого послужил легендарный Мишка Япончик) – воплощение бабелевской мечты о еврее, умеющем постоять за себя. Здесь с наибольшей силой проявляется литературное дарование Бабеля и его языковое чутье: в рассказах льётся колоритный одесский жаргон. Еврейской тематике посвящен в значительной мере также цикл автобиографических рассказов Бабеля под общим названием «История моей голубятни» (1926). «Историю моей голубятни» автор посвятил М. Горькому. Горький писал впоследствии, что Бабель «украсил» своих героев «лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев». Интересно, что ещё в 1915 году, на заре своей писательской деятельности, Бабель говорил, что ищет в литературе солнца, полных красок. Он восхищался Гоголем украинских рассказов, жалел, что «Петербург победил Полтавщину. Акакий Акакиевич скромненько, но с ужасающей властью затёр Грицко...»

В 1928 году Бабель публикует пьесу «Закат». Это, по словам Сергея Эйзенштейна, «лучшая, пожалуй, по мастерству драматургии послеоктябрьская пьеса».

Еще раньше, в 1926 году, Бабель начал работать для кино (титры на идиш для фильма «Еврейское счастье», сценарий «Блуждающие звезды» по мотивам романа Шалом-Алейхема, киноповесть «Беня Крик»). В 1936 году совместно с Эйзенштейном Бабель пишет киносценарий «Бежин луг». Фильм, снятый по этому сценарию, уничтожен советской цензурой. В 1937-м Бабель печатает последние свои рассказы «Поцелуй», «Ди Грассо» и «Сулак».

Одной из загадок бабелевской биографии является его арест, на самом деле совершенно непонятный. После смерти Горького Бабель сказал: «Теперь мне жить не дадут». Принято думать, что эта фраза связана с террором. Но это было сказано в 1936 году, массового террора тогда еще не было. Видимо писатель имел в виду только литературную критику, от которой его защищал Горький. Бабель благополучно пережил самые страшные годы, 1937-й и 1938-й. И вдруг в 1939 году, в мае, более чем через полгода после того, как кампания террора была официально прекращена, его арестовывают. Совершенно загадочная

Писатель, поцелованный Богом

(к 125-летию со дня рождения Исаака Бабеля)

Окончание
Начало
на стр. 1

история происходит и с архивом Бабеля. Он исчез самым странным образом. Судя по всему, он пропал еще во время следствия, ведь в материалах следствия не использован ни один документ, изъятый при обыске, ни одно из 500 писем, и этот факт явно указывает на то, что эти документы были недоступны следователям.

Арестованный после падения Ежова, весной 1939 г. (подчеркиваю этот факт потому, что некоторые ошибочно связывают арест Бабеля с тем обстоятельством, что писатель якобы имел любовную связь с женой Ежова), Бабель был расстрелян в Москве в Лефортовской тюрьме 27 января 1940 года. В списке расстрелянных в тот день числилось шестнадцать человек. Бабель шёл первым...

Так трагически закончилась жизнь этого жизнерадостного светлого человека и гениального писателя.

Любовь
Иконникова

С 1939-го по 1955-й год имя Бабеля было изъято из советской литературы. В 1954 году И.Э. Бабель был посмертно реабилитирован, а затем при активном содействии Константина Паустовского, хорошо знавшего писателя, после 1956 года Бабель был возвращён в советскую литературу.

30 лет назад, 13 июня 1989 года, был создан Черниговский еврейский культурный центр. Одним из первых наших культурных проектов стала литературная гостиная. Поле деятельности огромное. Как мы работали? Выбирали интересного писателя, и общими усилиями (евреи – народ читающий, и готовых принять активное участие в таких культурных проектах недостатка не было) делали душевное литературное мероприятие. У меня в личном архиве сохранилось отпечатанное на печатной машинке моё выступление на вечере, посвящённом И.Г. Эренбургу. И хотя тем летом 1989-го исполнялось 95 лет со дня рождения И.Э. Бабеля, мы, по каким-то причинам, не провели приуроченную к этой дате литературную гостиную.

И вот по прошествии 30 (!) лет эту нашу недоработку исправил коллектив черниговской библиотеки семейного чтения.

14 июля 2019 года в уютном фойе библиотеки собрались читатели, участники клуба «Вдохновение», гости – представители еврейской общины и даже неожиданный интересный гость из Израиля, которого я представлю несколько позже.

Идейным вдохновителем мероприятия, а также создателем представленной тут же чудесной выставки из бабелевских книг, в том числе книг и публикаций о Бабеле в газетах и журналах, стала библиотекарь библиотеки семейного чтения, неутомимый организатор чудесных мероприятий, посвящённых мастерам пера – классикам

Семён
Гуревич

украинской и мировой литературы, Любовь Арсентьевна Иконникова. А «исполнителями» стали участницы клуба «Вдохновение». Введение в тему сделала заведующая библиотекой семейного чтения Наталья Крыжановская. Татьяна Зенченко остановилась на интересных, часто

малоизвестных, фактах из жизни Бабеля. Лариса Бут сделала интересное сообщение «Леонид Утёсов и Исаак Бабель». Нелли Першина познакомила присутствующих со страницами личной жизни писателя, его жёнами, рассказав также о многочисленных поклонницах Бабеля, которые окружали этого удивительного харизматического человека.

Затем Анна Олейник обратилась к теме «Паустовский о Бабеле», используя книгу уже из моей личной библиотеки («О Паустовском»), написанную и подаренную мне моим другом, а с недавних пор и другом библиотеки семейного чтения, литературным секретарём Константином Паустовского (в 1960-е) Валерием Дружбинским. Главу книги «Исаак Бабель» В.И. Дружбинский завершает такими словами: «Осенью 66-го года Паустовский написал статью «Несколько слов о Бабеле». Там есть такие строки: «Почти каждый из писателей получает путевку в жизнь от старшего товарища. Я считаю – и с некоторым основанием, – что такую путевку в числе прочих дал мне Исаак Эммануилович Бабель»».

А потом Татьяна Малай представила фильмографию Бабеля, включавшую написанные им сценарии и фильмы, снятые по его произведениям. Здесь уместно обратить внимание на то, что первый из них – фильм «Беня Крик» (ещё немой фильм) – был снят в 1926 году, а последний – «Жизнь и приключения Мишки Япончика» – в 2011-м.

После знакомства с фильмографией Бабеля, ведущая Любовь Иконникова представила собравшимся «заморского», в прямом и переносном смысле, гостя – гостя из Израиля, в прошлом черниговца, человека, основавшего в конце 1980-х годов на дому у своего отца первую в городе еврейскую подпольную библиотеку, Семёна Гуревича. Дружба между черниговской библиотекой семейного чтения и Семёном Гуревичем из израильского города Бат-Ям завязалась полтора года назад, когда Семён прочитал в нашей газете «Тхия» репортаж о книжной выставке, посвящённой 70-летию Государства Израиль, организованной в этой черниговской библиотеке. Ну, а 14 июля 2019 года Семён Нотович рассказал собравшимся о том, как создавалась та подпольная еврейская библиотека, как он в 1987 году ездил в Москву и привозил оттуда получен-

Татьяна
Зенченко

ные у активиста еврейского движения в СССР, борца за права советских евреев, советского политзаключённого Иосифа Бегуна книги, о том, как за ним следили власти и как вызывали в КГБ...

Но вернёмся к Бабелю. Вернее – к литературному наследию Бабеля.

В литературном наследии Бабеля насчитывается около восьмидесяти рассказов, две пьесы: «Закат» (1927) и «Мария» (1935 г., впервые поставлена в 1994-м режиссером М. Левитиным на сцене Московского театра «Эрмитаж»), пять киносценариев, публицистика.

В изданиях, выходящих в СССР после «посмертной реабилитации» писателя, а до перестройки их было, собственно, только три (1957 и два – в 1966 г.) и как считают специалисты, лучшим из них было «Избранное» (Кемерово, 1966), его произведения подверглись сильным цензурным сокращениям. Приведём показательный пример из рассказа «Сын рабби», с которым вы уже познакомились выше. В книге Бабеля «Избранное» (Минск «Мастацкая літаратура», 1986), в предложении: «А на двенадцатой версте, когда у меня не стало картошки, я швырнул в них грудой листовок Троцкого», – напечатано так: «...я швырнул в них грудой листовок». Обратите внимание: удалено слово «Троцкого». А ведь 1986 год – это не 1937-й – год правления Сталина, и не 1957-й – Хрущёва, и не 1966-й – Брежнева, – это уже времена перестройки, времена политики гласности, свободы слова и печати – времена правления реформатора Горбачёва! И таких примеров можно привести немало.

Касаясь вопроса сохранения литературного наследия Бабеля, будет несправедливым не упомянуть удивительного человека – третью жену И.Э. Бабеля Антонину Нико-

лаевну Пирожкову. Антонина Пирожкова (она была на 15 лет моложе Бабеля) познакомилась с Исааком Бабелем в 1932 году, спустя два года они соединили свои судьбы. Их дочь, Лидия Исаковна Бабель, родилась в 1937 году.

15 мая 1939 г. Бабель был арестован на даче в Перedelкино по обвинению в «антисоветской заговорщической террористической деятельности» и «шпионаже». Ни

Лариса Бут

мать писателя, ни Антонина Пирожкова не были извещены о расстреле их сына и мужа в тюрьме НКВД 27 января 1940 года. Раз за разом по каждому запросу, сделанному женой, следовал ответ, что её муж «жив и отбывает срок в заключении на стройках народного хозяйства в Сибири».

Антонина Николаевна узнала о смерти мужа только в 1954 году, уже после смерти Сталина и последующей реабилитации И.Э. Бабеля как незаконно репрессированного.

Так и не вступая в повторный брак, она начала собирать материалы по жизни и творчеству писателя. В 1972 году А.Н. Пирожкова стала составителем сборника воспоминаний и материалов «Исаак Бабель. Воспоминания современников» (2-е издание – 1989 г.), входила в Комиссию по литературному наследию Бабеля.

Несколько лет назад я читал интервью с внуком Бабеля профессором Государственного университета штата Флорида и Нового колледжа Флориды Андреем Малаевым-Бабелем.

Андрей, отвечая на вопрос интервьюера, говорил, что он, безусловно, «бабушкин внук», и что его «всегда поражала ее неподдельность, отсутствие всякой позы, притворства, полное ощущение собственной самодостаточности, умение достойно принимать свою судьбу». «Все те долгие семьдесят лет, которые она прожила со дня ареста Бабеля, – говорил Андрей, – она, казалось, не забывала о нем ни на минуту. На вопрос: «Как вы это пережили?» – она, уже в девяностолетнем возрасте, отвечала: «А я этого и не пережила». И была благодарна чекистам, которые четырнадцать лет скрывали от нее, что Бабеля нет в живых! Другая красивая тридцатилетняя женщина сокрушалась бы об упущенных годах, а она радовалась, что четырнадцать лет верила: Бабель жив и вот-вот вернется. Ведь чекисты ее и в этом убеждали».

А.Н. Пирожкова прожила без Бабеля, но ни дня без мыслей о Бабеле, 70 (!) лет. Действительно – святая женщина, она ушла из мира живых 12 сентября 2010 года на 102-м году жизни.

Помню, в середине 1980-х по ТВ показывали телеспектакль, в котором Зиновий Гердт читал «Одесские рассказы» Исаака Бабеля. Это было просто чудо! И это хорошо, что Бабеля сегодня экранизируют и ставят театральные постановки по его произведениям. И всё же, мне кажется, что никто и никогда не может отобразить героев Бабеля лучше, чем они изображены на страницах его книг. И поэтому Исаака Бабеля нужно просто читать, читать и перечитывать – и вы будете иметь неслыханное удовольствие.

Есть у Бабеля короткий очаровательный рассказ, в котором речь идёт о том, как за младенца Карла-Янкеля борются две группы верующих – марксисты и евреи. Бабель, наблюдая за этой борьбой, завершает рассказ словами: «Я вырос на этих улицах, теперь наступил черёд Карл-Янкеля, но за меня не дрались так, как дерутся за него, мало кому было дело до меня.

– Не может быть, – шептал я себе, – чтобы ты не был счастлив, Карл-Янкель... Не может быть, чтобы ты не был счастливее меня...».

Да, Бабеля нужно читать, а не рассказывать о его произведениях, и поэтому сегодня мы предлагаем нашим читателям познакомиться с этим чудным рассказом «Карл-Янкель» И.Э. Бабеля.

В пору моего детства на Пересыпи была кузница Иойны Брутмана. В ней собирались барышники лошадыми, ломовые извозчики — в Одессе они называются биндюжниками — и мясники с городских скотобоев. Кузница стояла у Балтской дороги. Избрав ее наблюдательным пунктом, можно было перехватить мужиков, возивших в город овес и бессарабское вино. Иойна был пугливый, маленький человек, но к вину он был приучен, в нем жила душа одесского еврея.

В мою пору у него росли три сына. Отец доходил им до пояса. На пересыпском берегу я впервые задумался о могуществе сил, тайно живущих в природе. Три раскормленных бугая с багровыми плечами и ступнями лопатой они сносили сухонького Иойну в воду, как сносят младенца. И все-таки родил их он и никто другой. Тут не было сомнений. Жена кузнеца ходила в синагогу два раза в неделю — в пятницу вечером и в субботу утром; синагога была хасидская, там доплясывались на пасху до иступления, как дервиши. Жена Иойны платила дань эмиссарам, которых рассылали по южным губерниям галицийские цаддики. Кузнец не вмешивался в отношения жены своей к богу после работы он уходил в погребок возле скотобойни и там, потягивая дешевое розовое вино, кротко слушал, о чем говорили люди, — о ценах на скот и политике.

Ростом и силой сыновья походили на мать. Двое из них, подростки, ушли в партизаны. Старшего убили под Вознесенском, другой Брутман, Семен, перешел к Примакову — в дивизию червоного казачества. Его выбрали командиром казачьего полка. С него и еще нескольких местечковых юношей началась эта неожиданная порода еврейских рубак, наездников и партизанов.

Третий сын стал кузнецом по наследству. Он работает на плужном заводе Гена на старых местах. Он не женился и никого не родил.

Дети Семена кочевали вместе с его дивизией. Старухе нужен был внук, которому она могла бы рассказать о Баал-Шеме. Внучка она дождалась от младшей дочери Поли. Одна во всей семье девочка пошла в маленького Иойну. Она была пуглива, блузорука, с нежной кожей. К ней присватывались многие. Поля выбрала Овсея Белоцерковского. Мы не поняли этого выбора. Еще удивительнее было известие о том, что молодые живут счастливо. У женщин свое хозяйство: постороннему не видно, как бьются горшки. Но тут горшки разбил Овсей Белоцерковский. Через год после женитьбы он подал в суд на тещу свою Брану Брутман. Воспользовавшись тем, что Овсей был в командировке, а Поля ушла в больницу лечиться от грудницы, старуха похитила новорожденного внука, отнесла его к малому оператору Нафтуле Герчику, и там в присутствии десяти развалин, десяти древних и нищих стариков, завсегдаев хасидской синагоги, над младенцем был совершен обряд обрезания.

Новость эту Овсей Белоцерковский узнал после приезда. Овсей был записан кандидатом в партию. Он решил посоветоваться с секретарем ячейки Госторга Бычачем.

— Тебя морально запачкали, — сказал ему Бычач, — ты должен двинуть это дело...

Одесская прокуратура решила устроить показательный суд на фабрике имени Петровского. Малый оператор Нафтула Герчик и Брана Брутман, шестидесяти двух лет, очутились на скамье подсудимых.

Нафтула был в Одессе такое же городское имущество, как памятник дюку де Ришелье. Он проходил мимо наших окон на Дальницкой с трепаной, засаленной акушерской сумкой в руках. В этой сумке хранились немудрящие его инструменты. Он вытаскивал оттуда то ножик, то бутылку водки с медовым пряником. Он нюхал пряник, прежде чем выпить, и, выпив, затягивал молитвы. Он был рыж, Нафтула, как первый рыжий человек на земле. Отрезая то, что ему причиталось, он не отцеживал кровь через стеклянную трубочку, а высасывал ее вывороченными своими губами. Кровь размазывалась по всклокоченной его бороде. Он выходил к гостям захмелевший. Медвежьих глазки его сияли весельем. Рыжий, как первый рыжий человек на зем-

ле, он гнусавил благословение над вином. Одной рукой Нафтула опрокидывал в заросшую кривую, огнедышащую яму своего рта водку, в другой руке у него была тарелка. На ней лежал ножик, обгаренный младенческой кровью, и кусок марли. Собирая деньги, Нафтула обходил с этой тарелкой гостей, он толкался между женщинами, валялся на них, хватал за груди и орал на всю улицу.

— Толстые мамы, — орал старик, сверкая коралловыми глазками, печатайте мальчиков для Нафтулы, молотите пшеницу на ваших животах, старайтесь для Нафтулы... Печатайте мальчиков, толстые мамы...

Мужья бросали деньги в его тарелку. Жены вытирали салфетками кровь с его бороды. Дворы Глухой и Госпитальной не оскудевали. Они кишели детьми, как устья рек икрой. Нафтула плелся со своим мешком, как сборщик подати. Прокурор Орлов остановил Нафтулу в его обходе.

Прокурор гремел с кафедры, стремясь доказать, что малый оператор является служителем культа.

— Верите ли вы в Бога? — спросил он Нафтулу.

— Пусть в бога верит тот, кто выиграл двести тысяч, — ответил старик.

— Вас не удивил приход гражданки Брутман в поздний час, в дождь, с новорожденным на руках?..

— Я удивляюсь, — сказал Нафтула, — когда человек делает что-нибудь по-человечески, а когда он делает сумасшедшие штуки — я не удивляюсь...

Ответы эти не удовлетворили прокурора. Речь шла о стеклянной трубочке. Прокурор доказывал, что, высасывая кровь губами, подсудимый подвергал детей опасности заражения. Голова Нафтулы — кудлатый орешек его головы болталась где-то у самого пола. Он вздыхал, закрывал глаза и вытирал кулачком провалившийся рот.

— Что вы бормочете, гражданин Герчик? — спросил его председатель.

Нафтула устремил потухший взгляд на прокурора Орлова.

— У покойного мосье Зусмана, — сказал он, вздыхая, — у покойного вашего папаши была такая голова, что во всем свете не найти другую такую. И, слава богу, у него не было апоплексии, когда он тридцать лет тому назад позвал меня на ваш брис [обряд обрезания]. И вот мы видим, что вы выросли большой человек у советской власти и что Нафтула не захватил вместе с этим куском пустаков ничего такого, что бы вам потом пригодились...

Он заморгал медвежьими глазками, покачал рыжим своим орешком и замолчал. Ему ответили орудия смеха, громовые залпы хохота. Орлов, урожденный Зусман, размахивая руками, кричал что-то, чего в канонаде нельзя было слышать. Он требовал занесения в протокол... Саша Светлов, фельетонист «Одесских известий», послал ему из ложи прессы записку: «Ты баран, Сема, — значилось в записке, — убей его иронией, убивает исключительно смешное... Твой Саша».

Зал притих, когда ввели свидетеля Белоцерковского.

Свидетель повторил письменное свое заявление. Он был долговяз, в галифе и кавалерийских ботфортах. По словам Овсея, Тираспольский и Балтский укомы партии оказывали ему полное содействие в работе по заготовке жмыхов. В разгаре заготовок он получил телеграмму о рождении сына. Посоветовавшись с заворгом Балтского укома, он решил, не срывая заготовок, ограничиться посылкой поздравительной телеграммы, приехал же он только через две недели. Всего было собрано по району 64 тысячи пудов жмыха. На квартире, кроме свидетельницы Харченко, соседки, по профессии прачки, и сына, он никого не застал. Супруга его отлучилась в лечебницу, а свидетельница Харченко, раскачивая люльку, что является устарелым, пела над ним песенку. Зная свидетельницу Харченко как алкоголика, он не считал нужным вникать в слова ее пения, но только удивился тому,

что она называет мальчика Яшей, в то время как он указал назвать сына Карлом, в честь учителя Карла Маркса. Распеленав ребенка, он убедился в своем несчастье.

Несколько вопросов задал прокурор. Защита объявила, что у нее вопросов нет. Судебный пристав ввел свидетельницу Полину Белоцерковскую. Шатаясь, она подошла к барьеру. Голубоватая судорога недавнего материнства кривила ее лицо, на лбу стояли капли пота. Она обвела взглядом маленького кузнеца, вырядившегося точно в праздник — в бант и новые штiblеты, и медное, в седых усах, лицо матери. Свидетельница Белоцерковская не ответила на вопрос о том, что ей известно по данному делу. Она сказала, что отец ее был бедным человеком, сорок лет проработал он в кузнице на Балтской дороге. Мать родила шестерых детей, из них трое умерли, один является красным командиром, другой работает на заводе Гена...

— Мать очень набожна, это все видят, она всегда страдала от того, что ее дети неверующие, и не могла перенести мысли о том, что внуки ее не будут евреями. Надо принять во внимание — в какой семье мать выросла... Местечко Меджибож всем известно, женщины там до сих пор носят парики...

— Скажите, свидетельница, — прервал ее резкий голос. Полина замолкла, капли пота окрасились на ее лбу, кровь, казалось, просачивается сквозь тонкую кожу. — Скажите, свидетельница, — повторил голос, принадлежавший бывшему присяжному поверенному Самуилу Линингу...

Если бы синедрион существовал в наши дни, — Лининг был бы его главой. Но синедриона нет, и Лининг, в двадцать пять лет обучившийся русской грамоте, стал на четвертом десятке писать в сенат кассационные жалобы, ничем не отличавшиеся от трактатов Талмуда...

Старик проспал весь процесс. Пиджак его был засыпан пеплом. Он проснулся при виде Поли Белоцерковской.

— Скажите, свидетельница, — рыбий ряд синих выпадающих его зубов затрещал, — вам известно было о решении мужа назвать сына Карлом?

— Да.

— Как назвала его ваша мать?

— Янкелем.

— А вы, свидетельница, как вы называли вашего сына?

— Я называла его «дусенькой».

— Почему именно дусенькой?..

— Я всех детей называю дусеньками...

— Идем дальше, — сказал Лининг, зубы его выпали, он подхватил их нижней губой и опять сунул в челюсть, — идем далее...

Вечером, когда ребенок был унесен к подсудимому Герчику, вас не было дома, вы были в лечебнице... Я правильно излагаю?

— Я была в лечебнице.

— В какой лечебнице вас пользовали?

— На Нежинской улице, у доктора Дризо...

— Пользовали у доктора Дризо...

— Да.

— Вы хорошо это помните?..

— Как могу я не помнить...

— Имею представить суду справку, — безжизненное лицо Лининга приподнялось над столом, — из этой справки суд усмотрит, что в период времени, о котором идет речь, доктор Дризо отсутствовал и находился на конгрессе педиатров в Харькове...

Прокурор не возражал против приобретения справки.

— Идем далее, — треща зубами, сказал Лининг.

Свидетельница всем телом налегла на барьер. Шепот ее был едва слышен.

— Может быть, это не был доктор Дризо, — сказала она, лежа на барьере, — я не могу всего запомнить, я измучена...

Лининг чесал карандашом в желтой бороде, он терся сутулой спиной о скамью и двигал вставными зубами.

На просьбу предъявить бюллетень из стражассы Белоцерковская ответила, что она потеряла его...

— Идем далее, — сказал старик.

Полина провела ладонью по лбу. Муж ее сидел на краю скамьи, отдельно от других свидетелей. Он сидел выпрямившись, подобрав под себя длинные ноги в кавалерийских ботфортах... Солнце падало на его лицо, набитое перекладами мелких и злых костей.

— Я найду бюллетень, — прошептала Полина, и руки ее соскользнули с барьера. Детский плач раздался в это мгновенье. За дверью плакал и кряхтел ребенок.

— О чем ты думаешь, Поля, — густым голосом прокричала старуха, ребенок с утра не кормленный, ребенок захлял от крика...

Красноармейцы, вздрогнув, подобрали винтовки. Полина скользила все ниже, голова ее закинулась и легла на пол. Руки взлетели, задвигались в воздухе и обрушились.

— Перерыв, — закричал председатель.

Грохот взорвался в зале. Блестя зелеными впадинами, Белоцерковский журавлиными шагами подошел к жене.

— Ребенка покормить, — приставив руки рупором, крикнул из задних рядов.

— Покормят, — ответил издали женский голос, — тебя дожидались...

— Припутана дочка, — сказал рабочий, сидевший рядом со мной, — дочка в доле...

— Семья, брат, — произнес его сосед, — ночное дело, темное... Ночью запутают, днем не распутаешь...

Солнце косыми лучами рассекало зал. Толпа туго ворочалась, дышала огнем и потом. Работая локтями, я пробрался в коридор. Дверь из красного уголка была приоткрыта. Оттуда доносилось кряхтенье и чавканье Карл-Янкеля. В красном уголке висел портрет Ленина, тот, где он говорит с броневика на площади Финляндского вокзала; портрет окружали цветные диаграммы выработки фабрики имени Петровского. Вдоль стены стояли знамена и ружья в деревянных станках. Работница с лицом киргизки, наклонив голову, кормила Карл-Янкеля. Это был пухлый человек пяти месяцев от роду в вязаных носках и с белым хохлом на голове. Присосавшись к киргизке, он урчал и стиснутым кулачком колотил свою кормилицу по груди.

— Галас какой подняли... — сказала киргизка, — найдется кому покормить...

В комнате вертелась еще девчонка лет семнадцати, в красном платочке и с щечками, торчавшими как шишки. Она вытирала досуху клеенку Карл-Янкеля.

— Он военный будет, — сказала девочка, — ишь дерется...

Киргизка, легонько потягивая, вынула сосок изо рта Карл-Янкеля. Он заворчал и в отчаянии запрокинул голову — с белым хохломком... Женщина высвободила другую грудь и дала ее мальчику. Он посмотрел на сосок мутными глазенками, что-то сверкнуло в них. Киргизка смотрела на Карл-Янкеля сверху, скосив черный глаз.

— Зачем военный, — сказала она, поправляя мальчику чепец, — он авиатор у нас будет, он под небом летать будет...

В зале возобновилось заседание.

Бой шел теперь между прокурором и экспертами, давшими уклончивое заключение. Общественный обвинитель, приподнявшись, стучал кулаком по пюпитру. Мне видны были и первые ряды публики — галицийские цаддики, положившие на колени бровные свои шапки. Они приехали на процесс, где, по словам варшавских газет, собирались судить еврейскую религию. Лица раввинов, сидевших в первом ряду, повисли в бурном пыльном сиянии солнца.

— Долой, — крикнул комсомолец, пробравшись к самой сцене.

Бой разгорался жарче.

Карл-Янкель, бессмысленно уставившись на меня, сосал грудь киргизки.

Из окна летели прямые улицы, исходные детства моим и юностью, Пушкинская тянулась к вокзалу, Мало-Арнаутская вдавалась в парк у моря.

Я вырос на этих улицах, теперь наступил черед Карл-Янкеля, но за меня не дрались так, как дерутся за него, мало кому было дела до меня.

— Не может быть, — шептал я себе, — чтобы ты не был счастлив, Карл-Янкель... Не может быть, чтобы ты не был счастливее меня...

Олимпийская сборная Израиля по математике завоевала 6 медалей

Сборная Израиля добилась впечатляющих результатов на Международной олимпиаде по математике, которая состоялась на прошлой неделе в Англии. Все шесть участников олимпийской сборной получили медали. Золотую медаль завоевал Идо Кершон из Натафа. Серебряные медали завоевали Шава Регавим из Кфар-Сабы, Рой Синай из Кфар-Ораним и Лиор Адасси из Хода-Шарона. Шахар Фридман из Реховота и Итай Иеуда из Ганей-Тиква получили бронзу.

Министр просвещения Израиля раввин Рафи Перец сказал: «Достижения нашей команды по математике являются предметом гордости для системы образования и для государства Израиль. Математика – королева наук – является двигателем науки и технологического прогресса. Я поздравляю и благодарю победителей и их сопровождающих».

Д-р Шимшон Шошани, председатель Центра ученых будущего: «Члены израильской сборной по математике добились впечатляющих результатов. Их достижения вдохновляют. Реализация потенциала израильских учащихся – важная цель, стоящая перед нашим государством».

Генеральный директор Министерства просвещения Шмуэль Абуав: «Достижения сборной по математике и сборной по физике выводит Израиль на лидирующие позиции в мире науки. Поздравляю наших учащихся и тренеров, которые привели их к этому впечатляющему результату. Это только начало пути этих ребят. Уверен, что они внесут огромный вклад в развитие науки в частности, и в развитие государства в целом».

Гендиректор Центра ученых будущего, Эли Фрид: «Я поздравляю нашу сборную по математике с выдающимся результатом на международной арене. Центр ученых будущего совместно с Минпросом и впредь будет предоставлять высочайший уровень подготовки научным олимпийским сборным, который поможет нашим талантливым учащимся добиваться успеха на личном и национальном уровне».

В 60-й Международной математической олимпиаде

приняли участие 620 учеников из 112 стран мира. Государство Израиль участвует в этом соревновании с 1979 года и добилось значительных достижений за этот период: 13 золотых медалей, 52 серебряных медали, 96 бронзовых медалей и 23 знака отличия.

Подготовку научных израильских сборных к международным олимпиадам проводят Министерство просвещения и Центр ученых будущего Фонда Маймонидеса. Израильская сборная по математике прошла подготовку в Школе математических наук и в Тель-Авивском университете, под начальством академического председателя профессора Эйлона Солана, тренер команды Лев Радзиловский.

Канада перенесет выборы из-за еврейского праздника

Федеральный суд Канады обязал центральную избирательную комиссию пересмотреть дату общенациональных выборов, которые в этом году выпадают на еврейский праздник Шмини Ацерет. По словам инициатора переноса, кандидата от Консервативной партии

Хани Арье-Бейн, из-за праздника не менее 75 тыс. религиозных евреев Канады не смогут проголосовать. Арье-Бейн предлагает перенести выборы на неделю вперед, на 28 октября.

Согласно федеральному закону Канады, в этом году выборы должны состояться не позднее 21 октября. Как отмечают канадские СМИ, в этом году избирательную комиссию Канады уже несколько раз просили поменять дату голосования в связи с еврейским праздником. Однако в организации предпочло не переносить день выборов, а продлить часы голосования. Активисты, требующие переноса, обратились в Федеральный суд, чтобы добиться пересмотра решения. У избирательной комиссии Канады есть время до 1 августа на выбор новой даты.

Еврейская организация «Бней Брит Канада» опубликовала заявление, в котором назвала решение о переносе даты выборов «огромной победой канадской еврейской общины».

Конгресс США осудил движение по бойкоту Израиля

Во вторник, 23 июля, Палата представителей Конгресса США утвердила резолюцию, осуждающую деятельность BDS – движения, призывающего к международному бойкоту Израиля. Декларативную резолюцию поддержали 398 конгрессменов, против проголосовали 17, пять отсутствовали на голосовании. Из последних 16 являлись членами Демократической партии и только один конгрессмен относился к Республиканской. В число проголосовавших против вошли две женщины-конгрессмена мусульманского вероисповедания – первые женщины-мусульманки, избранные в Конгресс.

Резолюция №246 также призывает к увеличению помощи в обороне Израиля и к поддержке решения «два государства для двух народов», пишет Times of Israel. Резолюция не имеет реального применения и носит декларативный характер. В более половины штатов США уже принят закон, запрещающий участие в бойкоте Израиля.

MORASHA OLAMI

– это молодежный еврейский центр для общения, учебы и самореализации, представитель всемирной молодежной еврейской сети «Olami» в г. Киеве:

- ✓ Современное уютное и просторное помещение в историческом центре Киева – Подоле (2 мин от метро);
- ✓ Тренинги, мастер-классы, еврейские праздники и поездки за границу (Великобритания, Испания, Израиль и др.)
- ✓ Изучение иврита (несколько уровней сложности)
- ✓ Всегда вкусное угощение и теплая дружная атмосфера.

Наш центр предназначен для евреев по еврейскому закону (по материнской линии), возраст от 17 до 29 лет.

Звоните по тел: +380 99 613 9595 (Арье)

Еврейская государственная гимназия в Киеве проводит набор учеников с 1-го по 11-й класс.

Мы всегда рады видеть Ваших детей в гимназии, где наряду с общеобразовательными предметами они смогут изучать иврит и традиции еврейского народа.

Мы помогаем нашим выпускникам в поступлении в ВУЗы и даем возможность продолжать образование за границей.

Для детей из других городов Украины у нас есть пансион, в котором Ваш ребенок получит тепло и заботу, домашнюю кухню и добрый коллектив воспитателей.

Обязательное условие для поступления в гимназию – еврейство ребенка по материнской линии.

Записаться на собеседование, а так же получить ответы на интересующие Вас вопросы можно по телефону – 0639537450 (Наоми)

Не упустите шанс дать Вашему ребенку уверенность в будущем!

Киевская община Бейс Агарон ВеИсроэль проводит постоянный набор учеников ешивы для изучения Торы и еврейской традиции

Возраст от 15 лет.

Предоставляем жильё, питание, медицинскую страховку, стипендию (4500 грн.) и многое другое.

Будем рады видеть вас в нашей дружной семье!

Наличие документов, подтверждающие еврейство по материнской линии **обязательно.**

Адрес: **г. Киев, Межигорская, 37** номер **050-413-66-63** Ицхок **office@beisaharonvyisroel.com**

Наши юбиляры

Чернигов

Браверман Григорий Давидович
Видыш Наталия Георгиевна
Дубровина Лидия Ивановна
Ермакова Людмила Гершовна
Левин Юрий Борисович
Мстиславская Наталья Васильевна
Серик Зоя Михайловна
Товбина Надия Пименовна
Елисеева Тамара Исаковна
Котлярская Рива Абрамовна
Розенко Светлана Борисовна
Судаков Владимир Залмонович

Нежин

Гусаченко Наталия Александровна

Борзна

Каравер Нина Петровна

пгт Линовцы

Нугаев Виктор Ватхеевич

Остер

Манилова Екатерина Григорьевна

МАЗА ТОВ!

Газета выходит при финансовой поддержке Благотворительного Еврейского Фонда «Хесед Эстер» и Всеукраинского Благотворительного Фонда «Для тебя». В электронном виде газета размещается на сайте www.2U.org.ua

תּחיה

Учредитель: Черниговская еврейская община
Издатель: Черниговская еврейская община
Регистрационное свидетельство: ЧГ № 150
Газета «Тхия» («Возрождение»)
Распространяется бесплатно

Редакция оставляет за собой право редактировать и сокращать текст материалов.
Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов.
Отпечатано ФОП Лозовой В.М.
Свидетельство Серия ДК № 3759 от 14 апреля 2010 г.
14000, г. Чернигов, ул. Станиславского, 40
Заказ 0004. Тираж 600 экз.

Адрес редакции:
14017, г. Чернигов,
ул. И. Мазепы, 58.
Тел. 66-24-94
e-mail:
sem.hesed@gmail.com

Главный редактор Семён Бельман

Редакционная коллегия:
А.Брик, В.Ванжа, Н.Малисов
Н.Ратновская, А.Чеван.